

УДК 811.161

ИМЯ ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КРУГ ЧТЕНИЯ МОЛОДЫХ СОВРЕМЕННИКОВ

В.Г.Дидковская

THE NAME LEO TOLSTOY AND THE YOUNG CONTEMPORARIES READING LIST

V.G.Didkovskaya

Гуманитарный институт НовГУ, Pobeda.49@yandex.ru

Автор статьи анализирует читательский опыт молодых носителей русского языка, отраженный в созданных ими текстах и закреплённый в ассоциативных реакциях на прецедентные имена русской литературы. Изучение материалов Русского ассоциативного словаря и результатов ЕГЭ позволило сделать вывод, с одной стороны, о литературоцентричности культурных знаний современной молодежи, но, с другой стороны, об отсутствии у нее широкого читательского кругозора.

Ключевые слова: *прецедентный текст, круг чтения, языковая личность, культурная грамотность, ассоциативный тезаурус*

The author of the article analyzes the reading experience of young native Russian speakers, reflected in their texts and fixed in the associative reactions to the precedent names of Russian literature. Studying Russian associative dictionary and exam results allowed us to conclude, on the one hand, that literature plays an important role in shaping the cultural knowledge of the modern youth. On the other hand, that young people do not read much nowadays.

Keywords: *precedent text, reading list, language personality, cultural literacy, associative thesaurus*

Культура, по определению Ю.М.Лотмана, это негенетическая память коллектива [1], хранилищем же культуры и ее орудием является язык, который, как пишет В.Н.Телия, тем самым приобретает статус языка культуры. При этом разные единицы языка по-разному выполняют функции сохранения и трансляции культурной информации: первое место в этом отношении, безусловно, занимает слово, «воплощенное в определенной совокупности текстов, хранящихся в том или ином виде памяти» [2]. Вместе с тем культурная память носителей языка закреплена не только в словах, их значениях и отношениях между словами и значениями, но и в прецедентных текстах,

входящих в их лексикон из разных источников. Прецедентным текстом вслед за Ю.Н.Карауловым называем всякое крупное явление данной национальной культуры, известное абсолютному большинству ее носителей, апеллирование к которому относительно часто осуществляется в речи [3]. Отметим, что прецедентный текст может присутствовать в языковой памяти не в «полном виде», а как «образ текста», стоящий за именем его автора, названием произведения или именем персонажа, или в свернутом виде — как цитата или ее фрагмент. Такого рода текстовые преобразования свидетельствуют, как пишет Ю.Н.Караулов, о творческой деятельности личности,

о творческом начале в использовании языка человеком, о речевой деятельности как творчестве [4]. Это творческое начало проявляется в использовании неких стандартных, клишированных единиц для выражения новых личностных, хотя и социально детерминированных, смыслов. Поэтому анализ совокупности прецедентных текстов помогает получить представление не только о культурном тезаурусе носителей современного русского языка и современной культуры, но и об интериндивидуальном прагматиконе русской языковой личности [4, с. 245].

Кроме того, совокупность и степень освоенности прецедентных текстов позволяет составить объективное представление о понятии, которое в последнее время приобрело большую общественную значимость — о круге чтения современного молодого человека. Это понятие включает в себя не только и не столько некий список книг, прочитанных молодыми современниками или рекомендованных для прочтения, но и «отражает те элементы лексикона современно человека, которые связаны с прочитанными текстами. ...именно круг чтения в значительной мере характеризует уровень «культурной грамотности». ...Наличие или отсутствие ассоциаций, связанных с образами, именами, транслируемыми классическими текстами художественной литературы, с фактами жизни и творчества писателей, определяет уровень языковой способности человека, обуславливает возможность свободно и естественно чувствовать себя в культурном пространстве ...» [5].

Для исследования сферы прецедентности и связанного с ней круга чтения молодежи большое значение имеет активно используемое в современной лингвистике понятие «языковая личность». Отличительной особенностью «устройства» языковой личности является взаимообусловленность и проницаемость ее структурных уровней: слово как одна из минимальных составляющих лексикона, существующая в связях и отношениях с другими такими же единицами, позволяет получить представление не только о языковых знаниях, но и об интеллектуальных интересах и предпочтениях языкового сообщества, о культурной ориентации в реальном мире. Поэтому интерес к лексикону современной языковой личности обусловлен в значительной степени стремлением реконструировать культурный текст современного общества, определяемый как «любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет ... место культурная деятельность ...» [6]. Культурный текст, в котором «живут» молодые современники, включает в себя хранящиеся в их языковой памяти в разном виде прецедентные тексты, усвоенные в процессе чтения. Таким образом, содержательность и сложность культурного текста во многом обусловлены местом, которое занимает в современном обществе книга и — шире — письменный текст. «В процессе чтения мы аккумулируем тексты, фрагменты текстов, фраз, оборотов, словосочетаний. Создаваемые нами тексты — лишь результат декомпозиции усвоенных текстов. Количество и качество прочитанных текстов, степень начитанности — важнейшая характеристика языковой личности» [7].

В основе организации лексикона языковой личности лежит принцип ассоциирования, выражающийся в том, что любое слово, в том числе и прецедентно значимое, не существует изолированно в сознании, в памяти, в речи, а напротив, связано множеством связей, семантических, грамматических, ассоциативных, с другими словами языка, которые в совокупности образуют ассоциативно-вербальную сеть (АВС). АВС — это способ держания языка в памяти его носителя (Ю.Н.Караулов), причем каждый «узелок» в этой сети образует собственное ассоциативное поле, которое позволяет получить представление о том, какой комплекс знаний, в том числе и о русской культуре, присутствует в языковой памяти молодых людей и как они готовы оперировать этими знаниями. Такого рода сведения содержатся в Русском ассоциативном словаре, построенном как ассоциативный тезаурус русского языка, который, как отмечают его авторы, является не только зеркалом жизни русского языка, но и позволяет получить представление о состоянии массового сознания в российском обществе на ближайшие десятилетия, «иными словами, Русский ассоциативный словарь — это «выход» в будущее сознание русских, живущих в XXI столетии» [8].

В материалах РАС, как в зоне стимулов, так и в зоне реакций, представлены прецедентные имена собственные, совокупность которых можно рассматривать как «персоносферу» современной культуры: сферу персоналий, сферу литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей. В антропонимикон словаря входят такие разные по культурной ауре имена, как *Бах, Брежнев, Гагарин, Гете, Гоголь, Гончаров, Горбачев, Достоевский, Ельцин, Каспаров, Ленин, Ломоносов, Маркс, Магомед, Пушкин, Толстой, Хрущев, Чайковский, Чехов, Шиллер, Эйнштейн* и др.

Если рассматривать персонифицированную культуру как поле, а прецедентные имена как средства экспликации различных фрагментов этого поля, то даже простой количественный подсчет доказывает «литературоцентричность» культурных знаний наших молодых современников. При этом показательно отсутствие в словниках РАС, а значит, и в их языковой памяти имен представителей современной литературы, подтверждающее, на наш взгляд, вывод Г.Г.Хазягерова: «Оплотом русской персонифицированной культуры является русская классика» [9]. В этой персонифицированной культуре, которую можно рассматривать как часть общего текста русской культуры, имя *Лев Николаевич Толстой* организует собственный культурный текст. Во-первых, следует отметить, что вместе с другими именами русских писателей оно закреплено в вербальной памяти и языковом сознании носителей русского языка и входит в прецедентный антропонимикон в составе АВС. Об этом свидетельствуют антропонимические реакции на стимул Толстой, отражающие его устойчивую связь с другими великими именами русской литературы: **ТОЛСТОЙ:** *Пушкин (4), Горький, Достоевский, и Чехов, Чернышевский*. Современные студенты знают и о том, что фамилию *Толстой* носили писатели, жившие в разное время или представляющие разные литературные жанры. Это отражено в «уточ-

няющих» реакциях — **ТОЛСТОЙ**: *Лев, Алексей, Лев и Алексей, писатели, поэт* (можно предположить, что реципиент имел в виду А.К.Толстого). К сожалению, наиболее частотными оказались «анкетные» реакции типа фамилия — имя, фамилия — имя и отчество, фамилия — фамилия и имя, фамилия — инициалы: **ТОЛСТОЙ**: *Лев* (21); *Лев Николаевич* (9); *Лев Толстой, Л.Н.*, которые хотя и свидетельствуют о высокой степени прецедентности этого имени, но не позволяют судить о содержании культурных знаний, связанных с ним. Другие реакции, которые можно назвать «портретно-биографическими» — *писатель* (21), *борода, бородатый, вегетарианец, война, граф, старик, умер, Ясная поляна*, — отражают поверхностный уровень представлений о личности Л.Н.Толстого, свойственный «наивному» литературоведению. В целом же следует признать, что они составляют удручающе незначительную часть обязательного историко-литературного минимума, который осваивается в школе.

Заметим, что имя Л.Н.ТОЛСТОЙ является одним из самых упоминаемых в третьей части заданий ЕГЭ (одинаковую с ним частотность имеет только имя А.С.ПУШКИН): оно первым вспоминается выпускниками школ, когда они пытаются подобрать литературные аргументы для обоснования своей позиции при написании эссе по предложенному тексту: Л.Н.Толстого «Война и мир» Андрей Болконский ...; Л.Н.Толстой «Война и мир»; в произведении Л.Н.Толстого «Война и мир» Наташа Ростова ...; в произведении Л.Н.Толстого «Война и мир» Мари...; Л.Н.Толстой «Детство. Отрочество. Юность»; Л.Н.Толстой «Детство». Правда, высказывания «А.Н.Толстой — автор романа Война и мир» или «Л.Толстой жил в своем имении Ясные зори», «...в романе «Война и мир», написанном Тургеневым...» заставляют усомниться в прочности историко-литературных знаний старшеклассников.

Во-вторых, отдельные реакции обусловлены читательским опытом реципиентов, ассоциирующих имя автора с названием его произведений или именами героев этих произведений: «Война и мир» (6), «Анна Каренина» (3), Ростова (2), «Воскресение», Каренина. Заметим, что в РАС представлена и иная направленность ассоциативных связей, когда стимул, являющийся названием произведения, вызывает реакцию, воспроизводящую имя автора: **ВОЙНА И МИР**: *Толстой* (44), *Л.Толстой, Толстого, Л.Н. Толстого, написал Толстой, роман Л.Н.Толстого, эпопея Л.Толстой*; **ВОСКРЕСЕНИЕ**: *Толстой* (2), *Толстого*; **ВОСКРЕСЕНЬЕ**: *Толстой* (2), *роман Толстого*. Они относятся к объективным реакциям, «запрограммированным» в сознании личности литературой и проводником ее образов — школой, они «известны и понятны большинству членов национального сообщества в силу своей клишированности» [5, с. 141]. Среди них обращают на себя внимание реакции, связанные с культурной компетенцией носителей языка. Они более индивидуализированы и вместе со стимулом суждения образуют литературно-теоретического содержания, свидетельствующие о том, что реципиент не только знает о творчестве писателя, но и опе-

рирует этими сведениями: «**ВОЙНА И МИР**» — *роман, роман Л.Н.Толстого, написал Толстой, эпопея Л.Толстой, 4 тома*. Правда, приходится отметить ошибочность такого рода высказываний, представленных ассоциативными парами — **ВОЙНА И МИР** — *повесть, поэма Толстого, рассказ*. Другие произведения Л.Н.Толстого остались за пределами читательского опыта молодых читателей, хотя названия некоторых из них легко прочитываются в таких, например, реакциях — **ЖИВОЙ**: *труп* (142); **ТРУП**: *живой* (6); **СМЕРТЬ**: *Ивана Ильича*; **ОТЕЦ**: *Сергий*.

Как показали изучение материалов РАС и результаты проверки ЕГЭ, толстовский текст в языковой и культурной памяти современной молодежи существует преимущественно как текст романа «Война и мир». Об этом свидетельствуют уже приведенные словарные статьи из РАС, а также ассоциации, обусловленные миром героев и образов этого произведения: **ВОЙНА И МИР**: *Наташа Ростова* (2); *вальс, кн. Андрей, Наташа, Н.Ростова, Пьер*, хотя в текстах выпускников школ встречаются и высказывания такого рода: *Н.Расстова — героиня романа «Евгений Онегин»*... Интересно отметить единичные реакции субъективного типа на тот же стимул [5, с. 142], которые можно оценить как рефлексивные высказывания реципиентов, навеянные знакомством с текстом романа, хотя и не связанные с ним непосредственно: *жизнь и смерть, идут рядом, любовь и ненависть*. Имена толстовских героев появляются в ассоциативных рядах стимулов-апеллятивов, свидетельствуя о готовности носителей языка включать их в свою речь в подходящих ситуациях общения. Одни из них вполне ожидаемы, как, например, реакция *Болконский* на имя *Андрей* или на стимул *князь*, другие имеют индивидуализированный характер и отражают личностно ориентированные знания реципиентов. Так, самой устойчивой реакцией в ассоциативном поле слова-стимула **БАЛ** оказывается имя толстовской героини *Наташи Ростовой (Наталья Ростова, Ростова)*, а многие из слов-ассоциатов, воссоздающих образ бала, несомненно, связаны с любимым всеми читательницами эпизодом романа, известным как «первый бал Наташи Ростовой»: *вальс, блеск, красиво, красоты, люстра, Москва, первый, прекрасный, роскошь, светский, танцевать*. Отметим, что их обусловленность толстовским текстом подтверждается такими реакциями, как *Толстой*, и даже *красоты — Толстой*, но следует учитывать, что сам текст может быть не только прочитан, но и воспринят в визуализованном варианте (на это указывает такая реакция, как *на экране*).

В-третьих, фрагменты из произведений Л.Н.Толстого прочитываются в сочетаниях «стимул — реакция», что свидетельствует о присутствии толстовского текста в прецедентном тезаурусе современного читателя. Однако в целом количество такого рода ассоциативных пар невелико, а сами они представляют собой стереотипные формулы-клише, почерпнутые из учебника литературы. Вероятно, поэтому в ассоциативном поле стимула **ДУБИНА** самыми устойчивыми оказываются ассоциации, варьирующие цитату «дубина народной войны»: *войны*,

народная, народного гнева, народной войны. Цитатная ассоциация, хотя и единичная, образует такое «неожиданное» сочетание, как **НЕБО**: *Аустерлица*. Мотивированность текстом романа «Война и мир», как представляется, обуславливает ассоциативные связи стимула ДУБ: *старый, могучий, корявый, огромный, столетний, зелень*, причем само слово *дуб* вызывает в памяти имя *Л.Толстой*. Можно предположить, что в этом случае словосочетания, образованные парами «стимул — реакция», отражают «воспоминания» о выученном в школе отрывке из романа Л.Н.Толстого; ср.: «Это был огромный, в два обхвата дуб ... С огромными своими ... растопыренными корявыми руками и пальцами... Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром темной, сочной зелени...» (т. II, ч. I).

В РАС выделяются словарные статьи, в которых имя *Л.Толстой* присутствует как одна из реакций носителей языка на абстрактные слова-стимулы, вербализующие так называемые культурные концепты. Такие концепты представляют собой не только «знаки знания», но и отклики на предшествующий культурный (в первую очередь читательский) опыт в целом. «Чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и «концептосфера» его словарного запаса <...> Имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и ассоциаций» [10]. В этой «концептосфере» прецедентные имена и абстрактные имена объединяет культурная насыщенность, повышенная социальная значимость, разнообразие форм индивидуального восприятия, влияние на модели социального поведения членов общества. Кроме того, прецедентные имена выполняют роль эталонного воплощения тех или иных абстракций [11] и используются в речи носителей языка как личностные символы. Для современного молодого человека имя Толстого символизирует такие мировоззренческие понятия, как *мораль* и *сочувствие* и может быть отнесено к реакциям субъективного типа, раскрывающим сферу индивидуальных оценок и предпочтений языковой личности, мир ее национальных эталонов и идеалов. В Послесловии к РАС Ю.Н.Караулов отмечает, что спонтанный ответ испытуемого в этом случае «подготовлен не только его опытом мировосприятия ... и языковым опытом ... , но и определенным образом отобран, пропущен через иерархически-оценочный и установочно-прагматический фильтр его отношений к миру». Тот же тип ассоциирования отмечается и в реакциях, раскрывающих экстенциональное содержание стимулов *культура, литература, писатель, художник*. Имя Л.Н.Толстого в их ассоциативных полях есть результат свободного выбора и характеризует не сам «культурный предмет», а говорящего, его ориентацию в обширном пространстве русской национальной культуры. Важно отметить, что для стимулов **КУЛЬТУРА** и **ХУДОЖНИК** реакция *Толстой* является единственным онимом, который, как можно предположить, символизирует в представлении реципиента всю русскую культуру и воплощает идеальный образ художника слова.

Таким образом, прецедентное имя *Лев Толстой* можно признать базовым в круге литературных знаний современной молодежи. Объем этих знаний, хотя и не свидетельствует о широте литературного кругозора современного молодого человека, но в то же время позволяет утверждать, что толстовский текст устойчиво присутствует в его языковой памяти, формируя представления о мире и отражая прогностически ориентированные идеалы (Ю.Н.Караулов). В «Пантеоне» прецедентных имен русской литературы оно является одним из немногих, не вызвавших отрицательных оценочных реакций, которые сопровождают даже самое эталонное имя *Пушкин* (с одной стороны, *гений, великий поэт*, а с другой, — *терпеть не могу*). Для современных учащихся, студентов и школьников, Л.Н.Толстой — *это великий человек, гений*; его имя закреплено в ассоциативно-вербальной сети устойчивыми и разнообразными ассоциативными связями, свидетельствующими о том, что оно хранится в долговременной памяти носителей языка.

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 15.
2. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М., 2002. С. 71.
3. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 240.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004. С. 240.
5. Козырев В.А., Черняк В.Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. СПб., 2007. С. 138.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1999. С. 20.
7. Журавлев В.К. Экология русского языка и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады. М., 1991. Ч.1. С. 20.
8. РАС: Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Под ред. Ю.Н.Караулова. Т. I. М., 2002. С. 4.
9. Хазагеров Г.Г. Персонасфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 143.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. № 1. С. 3.
11. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 4: Филология. С. 82-93.

References

1. Lotman Yu.M. Besedy o russkoy kul'ture [Talking about Russian culture]. Saint Petersburg, 1994, p. 15.
2. Zhuravlev V.K. Russkiy yazyk i russkiy kharakter [Russian language and Russian personality]. Moscow, 2002, p. 71.
3. Karaulov Yu.N. Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set' [Active grammar and verbal associative network]. Moscow, 1999, p. 240.
4. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow, 2004, p. 240.
5. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Obrazovatel'naya sreda. Yazykovaya situatsiya. Rechevaya kul'tura [Educational environment. Language situation. Speech culture]. Saint Petersburg, 2007, p. 138.
6. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. Moscow, 1999, p. 20.
7. Zhuravlev V.K. Ekologiya russkogo yazyka i kul'tura [Ecology of the Russian language and culture]. Russkiy yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki [Russian language and the present: problems and prospects of Russian Studies]. Moscow, 1991, part 1, p. 20.
8. Karaulov Yu.N. (ed.). Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian

- associative Dictionary] in 2 vols. Moscow, 2002, vol. I, p. 4.
9. Khazagerov G.G. Personosfera russkoy kul'tury. Novyy mir, 2002, no. 1, p. 143.
  10. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Sphere of concepts in the Russian language]. Izvestiya RAN, Seriya literatury i yazyka, 1993, vol. 52, no. 1, p. 3.
  11. Gudkov D.B. Pretsedentnoe imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo yazyka [Precedent name in the cognitive basis of the Russian language]. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya [Language. Consciousness. Communication]. Moscow, 1998, iss. 4: Filologiya, p. 82-93.